

Ли Цуй преисполнилась самодовольства. Она была так умна: при такой формулировке все аргументы были на её стороне. Даже если бы сам Председатель явился, она бы не испугалась. Разве не её дело, если она так бедна, что не может прокормить ребёнка?

— Эх, Цянь Юй, ты думал, спаситель пришёл, опора появилась? А он всё равно сбежал! Моего родного сына я хочу передать на усыновление — и никто тут не указ. Сегодня сам Нефритовый Император с небес не спасёт тебя! А-а-а... Спасите...

Старый кухонный тесак, сверкнув ледяным блеском, коснулся шеи Ли Цуй. Та от ужаса взвизгнула, ноги её ослабели, так что убежать она бы не смогла.

— А-а-а... — Толпа женщин и детей, жавшихся во дворе и за воротами, разразилась пронзительными воплями и в панике разбежалась кто куда.

Оказывается, Чэнь Минхуэй успел забежать в дом старого холостяка и схватить нож. Встав с тесаком перед Цянь Юем, он был похож на злого духа, вырвавшегося из восемнадцатого круга ада — весь пропитанный ненавистью.

— Посмотрю я, кто осмелится его усыновить, — произнёс Чэнь Минхуэй. Остриём ножа он указывал на людей, и каждый, на кого падал взгляд, невольно содрогался. — Я не ради шуток это говорю. Ступайте расспросите про три моих иероглифа «Чэнь Минхуэй» и узнаете, втыкал ли я людям нож! Сегодня я слово молвлю: кто тронет Цянь Юя, того я зарежу вместе со всей его семьёй.

— Чэнь Минхуэй — это тот самый несовершеннолетний хулиган, который недавно на улице изрезал кого-то ножом, — зашептались в толпе. Посёлок был невелик, жителей на главной улице было мало. Развлечений в те времена хватало, но слухи и сплетни о соседях всегда пользовались особым успехом.

История о том, как Чэнь Минхуэй в прошлый раз с длинным ножом насадил хулигана, уже облетела весь округ. Случай этот стал известен каждому. Даже если лично не знали Чэнь Минхуэя, имя его было на слуху. Многие родители строго-настроено наказывали детям: завидели Чэнь Минхуэя — обходи стороной, если он ударит — не огрызайся, а беги туда, где людей много.

Теперь, поняв, что перед ними и есть сам тот самый Чэнь Минхуэй, люди невольно отступили на несколько шагов. Крепкие мужики тоже пожалели, что пришли смотреть на это представление, но убежать сразу боялись: вдруг привлекут внимание парня, он взмахнёт ножом — и беда свалится на голову.

Старый холостяк только-только на волю выбрался, про Чэнь Минхуэя ничего не знал, но глядя на неподдельный ужас на лицах окружающих, смекнул, что этот Чэнь Минхуэй, похоже, и впрямь не подарок. Вероятно, и раньше были дела с кровью.

Старому холостяку нелегко было выйти на свободу, дней спокойно пожить не успел, а он уже жизнь свою ради какого-то мальчишки рисковать не собирался. Он поспешно дал отвод:

— Ли Цуй, этого ребёнка я усыновить не могу. Он сам не хочет, даже если к мне попадёт, не удержу. Сбежит через пару дней — куда мне, старику, его искать? А насчёт ухода в старости — тут ребёнок сам должен быть согласен.

Ли Цуй была в бешенстве. Она боялась трогать Чэнь Минхуэя, но в глазах её, устремлённых на Цянь Юя, плескался яд. Цянь Юй вцепился в одежду Чэнь Минхуэя, весь дрожа от страха.

Чэнь Минхуэй одной рукой обнял Цянь Юя, успокаивающе похлопав, другой сжимал тесак.

— Ли Цуй, тебе ведь нужны просто деньги? Я тебе дам, только ты Цянь Юя мне отдай.

— Отдать тебе? Ты сам-то ещё ребёнок, а уже сыновей заводить вздумал?

Чэнь Минхуэй холод усмехнулся.

— Вырос я или нет — твоего ума дело, усыновлять я его себе не собираюсь. Несколько лет назад к нам в деревню по направлению приехал один старый профессор Чэнь. Он мне добро сделал. Когда он умер, ни детей, ни родни у него не осталось. Я хочу, чтобы Цянь Юя усыновили в его память, чтобы на могиле профессора по праздникам кто-то был.

В годы Культурной революции много интеллигенции отправили по местам. На них навесили ярлыки «плохих элементов». Тогда их водили на публичные позорища, и в посёлке никто не смел с ними связываться. Но в последние годы политика государства изменилась, многих реабилитировали и вернули назад. Жаль только профессора Чэня: он попал в первую волну, много всего вытерпел, да к тому же возраст был уже — не выдержал, большой болезнью заболел и умер. Потом хоть и реабилитировали, но профессор всю жизнь холостяком прожил, детей не имел, и некому было тело предать земле — схоронили его как-нибудь на заднем дворе.

Чэнь Минхуэй выбрал профессора Чэня именно потому, что у того родни не было. Даже если воспользоваться его именем задним числом, впоследствии никакие кровососущие родители не привяжутся. А возьми он кого-то другого — хорошо, если Цянь Юй в жизни не добьётся ничего, а вот если выбьется в люди, эта шайка, ни копейки не вложившая, превратится в неумолимых вампиров и высосет из него всё соки. А профессор Чэнь уже мёртв, его не воскресишь, и если вдруг у него и найдётся какая-нибудь дальняя родня, то это всё равно не родители — сколько они ни шумят, Цянь Юю сыном им не быть. А насчёт «плохого происхождения» — теперь всё реабилитировано, к чёрту такое прошлое. Через пару лет никто и не вспомнит, что это такое.

Ли Цуй было всё равно, хорошее происхождение или плохое. Раз сына отдают — пусть сам с его проблемой и разбирается.

Ли Цуй поразмыслила: глядя на ситуацию и по характеру Чэнь Минхуэя, после сегодняшнего представления вряд ли кто-то осмелится взять Цянь Юя. Но ждать она не могла, и тот человек ждать не стал.

Взгляд Ли Цуй потемнел, она запросила немислимое:

— Тысяча юаней за содержание! Сможешь выложить?

Тысяча — сумма по тем временам немалая. В восьмидесятых годах «десятитысячники» только-только появились, а средняя зарплата была семьдесят-восемьдесят юаней. Особенно в их районе, где бедняков было пруд пруди, вряд ли из всей толпы нашлись бы одна-две семьи, у которых на руках лежала тысяча юаней.

В этот момент человек у него на руках наконец подал признаки жизни. Цянь Юй так сильно сжимал школьную форму на груди Чэнь Минхуэя, что пальцы впились ему в тело. Было больно, но эта боль была ничто по сравнению с болью в сердце. Чэнь Минхуэй увидел в глазах Цянь Юя то самое отчаяние безысходности, словно он снова оказался в том пламени, что пожирало его в прошлой жизни. Только сейчас в его объятиях был Цянь Юй, и только этого одного Цянь Юя было достаточно.

— Не бойся... не бойся, Сяо Юй... — Чэнь Минхуэй сначала успокоил Цянь Юя, потом повернулся к Ли Цуй. — Пятьсот пятьдесят юаней за содержание.

Тысяча была невыносима, но пятьсот пятьдесят — хоть и всего на пятьдесят больше, чем предлагал старый холостяк, но это почти месячная зарплата, а такое Ли Цуй соблазнить могло.

Ли Цуй на миг опешила, тут же сообразила, в чём дело, и усмехнулась:

— Ишь какой храбрый! А деньги-то есть? Где? Покажи! Человек — и твой, забирай!

Чэнь Минхуэй поперхнулся:

— Сейчас денег при себе нет, но я могу тебе расписку дать, гарантирую, верну!

— Смешно! Каждый горазд пустые обещания давать. А чем платить будешь? Катись отсюда!

Чэнь Минхуэй тут же вывернул карманы — всё своё достояние, всего тринадцать юаней, и протянул Ли Цуй.

— Это задаток. В течение недели я принесу тебе пятьсот пятьдесят юаней, а ты Цянь Юя усыновишь профессору Чэню. Но до этого срока ты не имеешь права отдавать его никому другому.

Ли Цуй жадно схватила деньги, поднесла к свету, убедилась, что настоящие, и тут же, на глазах у всех, отогнула пояс брюк. На внутреннюю сторону нижнего белья она сама нашла лоскут ткани и сшила карман. Аккуратно спрятала деньги туда.

Лишь после этого сказала:

— А если за неделю деньги не соберёшь? Что же, мне из-за тебя век его кормить, что ли?

— Не волнуйся, соберу. Хоть почку продам — деньги достану!

Ли Цуй холодно усмехнулась:

— Это твои проблемы, мне всё равно. Если за неделю деньги не будут на столе, не вини меня, если я отдам Цянь Юя другому. А уведу его далеко — не факт, что найдёшь.

От этих слов Цянь Юй опять содрогнулся.

Чэнь Минхуэй стиснул зубы:

— Хорошо. Тогда давай сегодня при всех свидетелях договоримся: в течение недели я добуду пятьсот пятьдесят юаней, а Ли Цуй обязана отдать Цянь Юя профессору Чэню. Пусть другие и больше предлагают — всё равно ему. Кроме того, поскольку Цянь Юй станет сыном профессора Чэня, продолжит его род и впишется в родословную книгу Чэней, он с этого момента полностью порывает с Ли Цуй. Отныне рождение, смерть и болезни Ли Цуй к Цянь Юю никакого отношения не имеют, и Ли Цуй не имеет права под любым предлогом требовать с Цянь Юя ни единой копейки!

— С чего это? Это мой сын, почему я не могу с него денег требовать? — возразила Ли Цуй.